

Акт I: Заря

Глава первая. Песня тишины

[Simon & Garfunkel – The Sound Of Silence](#)

«Добрый вечер всем, говорит Мистер Нью-Пегасус, принося самые свежие новости и сладчайшие мелодии, чтобы успокоить ваши утомлённые души. Сегодня был замечательный день для великого города, Нью-Пегасуса! Центральное казино Стрипа, «Платиновая Подкова», вновь открылось для широкой публики после десятилетий молчания и загадок. Некогда считавшийся мёртвым владелец этого гиганта развлечений для пони, Фулл Хаус, имел почтение прислать сообщение вашему скромному пони. Я не воспроизведу его по просьбе Фулл Хауса, но расскажу вам то, что он рассказал мне. И он сообщает, что теперь «Подкова» самое лучшее казино в городе, с самыми лучшими удобствами, самыми комфортными номерами, самыми увлекательными развлечениями и самыми большими, сочными призами. Все приглашаются в обновлённую «Подкову»!

К другим новостям: Городской Совет принял решение в качестве жеста приветствия Новой Эквестрийской Республики принять дипломатическую делегацию в пределах городских стен, конечно же, при условии, что они будут уважать независимость и самоуправление города. Так что, дорогие граждане Нью-Пегасуса, если вам случится увидеть пони, одетых в форму с двуглавым единорогом, не бегите обратно в свои дома и не стройте баррикады! Эти солдаты дружелюбны и приветствуются, пока Городской Совет не скажет обратное. В соответствии с указом, НЭР будет иметь постоянное посольство в северной части Стрипа, у стен.

Однако в качестве неприятного побочного эффекта от этого дипломатического манёвра Силы Городской Безопасности начнут проводить тщательные проверки на Гражданство, так что не забудьте с собой ваше удостоверение или значок. Иначе же вы рискуете потерять этот маленький райский уголок!

А теперь для всех наших повседневных слушателей и новичков нечто свеженькое, только вот-вот из печи. Прямо из Мэйнхеттена, от самого Диджея Пон-3, последний хит Вельвет Ремеди. Помните, это Радио Нью-Пегасуса, и я, ваш Мистер Нью-Пегасус, прямо в вашей душе...»

— Фарсайт, — заговорила Смотрительница в довольно-таки формальном тоне. — Позволь мне выразить свою бесконечную благодарность за твою сегодняшнюю жертву. Будь уверен, пони из Стойла Сто Восемьдесят Восемь навсегда в долгу перед тобой. Мы никогда не забудем тебя и то, что ты сделал для всех нас.

Я бросил взгляд на Смотрительницу. Я не был ни зол, ни печален, ни даже напуган, но знал, что страх нахлынет на меня, как только ворота закроются за спиной. Сейчас же все негативные

эмоции, какие я питал к Стойлу, его структуре, правилам и методам, но более всего к Смотрительнице, оказались заменены чистейшим разочарованием и горечью. Она привела меня к абсолютному поражению, превратила в изгоя в собственном доме, разбила в прах мои стремления сделать что-нибудь хорошее для остальных и, в конце концов, бросила навстречу смерти.

— Смотрительница, — ответил я сквозь стиснутые зубы, смотря на неё полным чистой, абсолютной ненависти взглядом. — Надеюсь, Вам хватит смелости сказать то же самое своей кобылке, если она будет выбрана.

Я отвернулся и пересек врата, входя в бесконечную темную пустоту. Я оглянулся назад, дабы узреть, как ворота захлопываются за мной, но... заметил слабую тень усмешки на лице Смотрительницы?

* * *

Тьма. Повсюду.

Когда массивная дверь затворилась позади меня, мир погрузился во тьму. Не было ничего, кроме тьмы и тишины. Царящее повсюду безмолвие заставило меня убедиться в том, что толстенные ворота были звуконепроницаемыми. Бьюсь об заклад, если бы жители закатили шумную вечеринку прямо под дверью, я бы ничего и не услышал.

Я стоял неподвижно... как долго? Не знаю, но опять же, откуда было знать мне, стоящему в окружении крошечной тьмы, не имеющему ни единого намёка, с чего же начать? Как и представлялось раньше, я просто трясся, полностью охваченный страхом. Что могло находиться передо мной? Я не мог ни видеть, ни слышать, и, Дискорд, кажется, чувствовать. Что же ещё хуже, не удавалось даже ясно мыслить. Воображение будто сошло с ума и начало представлять жуткие, кошмарные картины, словно стоящие в двух шагах от меня, только и ждущие, как затащить меня в свои тёмные норы, чтобы разорвать на куски.

Я почувствовал, что мои внутренности ещё раз свернулись, на этот раз более жёстко, даже можно было ощутить рвоту, подступающую к горлу. Меня вырвало. Один раз, второй, третий, пока в животе ничего не осталось. Появилось чувство, как всё тело дрожит от страха и слабости. Текли слёзы. Я даже не старался удерживать их, а просто дал солёному потоку затопить глаза и заскользить по щекам. Я пинался, вопил и плакал, как маленький жеребёнок, проклиная всех жителей Стойла медленной и мучительной смертью, обвиняя их в лицемерии, как виновников моей судьбы. Топал копытами по полу, а мой гнев то и дело терялся в сумасшедшем плаче. Быть может, это был не самый взрослый поступок, но, по крайней мере, он помог чувствовать себя немного лучше.

Медленно начал размышлять о жизни в Стойле. Пропустил ли я её? Думаю, да, но, во всяком случае, точно уверен не был. Там ведь было безопасно, удобно, и по поводу еды можно не переживать, пока дела не пошли наперекосяк. Тем не менее, я был одиночкой всю свою жизнь,

имея не настоящих друзей, но только искусственные отношения, следствие тяжёлой работы, попыток усвоить все премудрости правильной речи и харизмы. Оглядываясь на прошлое, я даже не мог вспомнить имя кобылы или жеребца, хорошо относившихся ко мне. Нет, никому я не нравился. Чувствовалось, что слезы вновь наворачиваются на глаза, но в этот раз то был не страх или ярость, что подпитывают их. Это было горе, сожаление за то, что я потерял все, чего никогда не имел.

Затем в голове всплыла ухмылка Смотрительницы. Не сомневаюсь, я точно видел её. Почему она улыбалась, если момент должен был быть серьезным или хотя бы просто печальным? В своих полномочиях Смотрительница отправляла одного из жителей ее Стойла навстречу верной смерти! Как она вообще могла найти это забавным? Или же, может быть, это не комичность ситуации вызвала усмешку.

... Нет. Нет, нет, нет! НЕТ! Я отказывался думать так, у неё просто не было способа подстроить избрание! Сколько бы во мне не было ненависти, всё же хотелось поверить, что в ней осталось хоть чуть-чуть порядочности. Но, тем не менее, тоненький голосок в голове говорил, что я – дурак, если верю в это. Что, если она подстраивает выборы уже не в первый раз? Почему все её «друзья» были так спокойны в момент Лотереи? Разве это не подозрительно? Сама мысль о подобном заставляла меня трястись от злобы. Мерзкая сука! Если бы в этот самый момент я мог дотянуться до неё, то незамедлительно порвал бы в клочья.

Я глубоко вдохнул два или три раза, дабы немного успокоиться, и вспомнил о моём ПипБак. Когда мне его выдали, инструктор рассказал нам о функции фонарика. Как можно было про это забыть? Я нажал пару кнопок с помощью телекинеза, и ПипБак начал светиться тусклым золотистым светом. Теперь, когда вещи не были черными, как смола, можно было увидеть мир вокруг себя. И, надо сказать, я был крайне удивлен, увидев, что нахожусь не в открытом, как раньше думал, месте, а в каком-то подземном служебном туннеле. Четыре стены из бетона вели куда-то в неизвестность. Кроме этого (о, да, и моей рвоты в полу), здесь не было ничего, что можно было бы разглядеть или сделать.

Шаг за шагом я медленно пополз в темный туннель, надеясь, что там не будет никаких монстров. Записи в Стойле говорили об ужасном воздействии радиации на живых существ, мутациях, извращенных мерзостях, которые получились благодаря испытаниям, проводимым во время Войны. Всё, что я знал, эти ужасы могут с лёгкостью бродить по миру прямо сейчас. Тем не менее, моим страхам скоро пришёл конец, так как тоннель прервался бетонной стеной с лестницей, ведущей к отверстию в потолке. Вдруг мой ПипБак издал слабый сигнал. Я обратил внимание на экран, убедившись, что функция карты начала работать и показывала, что мы находились над... Стойлом Сто Восемьдесят Восемь. Очевидно. Это, в свою очередь, навело меня на мысль, что карта записывалась ещё во время или даже до Войны, или же какой-то пони добавил Стойло Сто Восемьдесят Восемь в базу данных, другие места так же должны быть отмечены.

Я задался вопросом, что же делать теперь. Мне нужна цель в жизни. То, к чему можно стремиться, но сейчас у меня не было ничего, как не было и никакого пути назад, в прежнюю жизнь. Даже

хуже, чем могло оказаться. Тем не менее, я не знал, что ждет меня впереди, и, честно говоря, боялся того, с чем мог столкнуться, когда шел по туннелю, но всё же мне удалось найти кое-что в глубинах сознания. Мне удалось найти желание мести. Что-то внутри подсказывало, что когда-нибудь я смогу вернуться в Стойло, и Смотрительнице придётся заплатить за то, что она сотворила. Но, во-первых, нужно хотя бы выжить, чтобы увидеть сей день.

Оставив эти мысли, я направился к крышке люка, чтобы наконец-то найти выход из тоннеля. Тусклое голубое свечение моего рога затопило помещение, отбрасывая тени меня самого и лестницы. Крышка люка отошла в сторону, и поток света затопил туннель сверху. Это... солнечный свет? Быть может, всё, что мне доводилось читать, и всё, что рассказывала нам Смотрительница, было ложью? Быть может, мир снаружи всё ещё зеленый и солнечный? Прожив всю жизнь под землей, увижу ли я свет дня, силу Богини? Чуть было не запнувшись от волнения, я поднялся по лестнице и покинул туннель.

* * *

«БИП! Вы обнаружили Стрип!» — запищал ПипБак, извещая меня о том, что мы находимся где-то, но явно не в Стойле Сто Восемьдесят Восемь, но я был слишком занят, чтобы действительно обратить внимание. Мои глаза блуждали в восторге, от одного огня к другому. Это не был солнечный свет, как могло показаться на первый взгляд. Это была чистая и простая магия, целые здания горели, подобно факелам, сверху донизу. Массивные светящиеся рекламные щиты демонстрировали артистов, певцов, фокусников, комиков, выставки и, почти повсеместно, азартные игры. Это был Лас-Пегасус, Столица Веселья в Эквестрии, как и говорили записи.

У меня в голове царил полный аврал. Как такое возможно? Не должно ли всё это быть пустынными просторами Пустоши, где пони вынуждены выживать? Что это за грёбаное издевательство? Здесь была какая-то уловка. В любом случае, либо все жители мертвы, либо они стали каннибалами, поджидающими пони, которые выйдут из Стойла (пожалуйста, Селестия, пусть это будет не так), либо само Стойло не более чем подобие нелепого эксперимента. Ничего, казалось, не складывалось из этого, а я чувствовал себя растерян, так хотелось развернуться и вышибить дверь Стойла, чтобы рассказать всем, что над ними целый город.

Когда я выбрался из туннеля, то оказался в маленьком тупике между двумя бетонными зданиями, на стенах которых были нарисованы граффити, гласящие примерно нечто вроде «НЭР, валите обратно!» или «Фулл Хаус – кто он?». Изображения оказались нарисованы недавно, так что идея о пустынности города отпадала сама собой. Честно говоря, я вообще не имел понятия, что они значили. НЭР? Чем в Эквестрии могло это быть? И кто этот Фулл Хаус? Пытаясь привести свои мысли в порядок, я вышел из тупика, чтобы только попасть на главную улицу.

Было ясно и просто великолепно. Выйдя из тьмы подземного коридора, я оказался в мире ослепительных огней. Мои челюсти раскрылись в изумлении, мне же ничего не оставалось, как начать осматриваться, пытаюсь понять, как же много всего в этом новом, захватывающем мире. Насколько это возможно. Не было ничего общего с картиной Пустоши, какой я себе представлял.

Вместо бесплодной, безжизненной пустыни мне пришлось столкнуться с живым городом, где царили блеск и слава старого мира.

Огни были ослепительны, музыка – гармоничной, кобылки – красивые, а жеребцы одеты со вкусом. Глаза так и разбегались по проспекту, окружённому зданиями, каждое из которых казалось всё более и более зажиточным, чем предыдущие. Там были бары, модные рестораны, казино, гостиницы, бутики и обычные магазины... но в основном казино. Я насчитал целых шесть за десять минут рысью вниз по Стрипу. Все выглядело так необычно, так привлекательно...

Внезапное урчание в животе напомнило, что я не ел ничего с утра, и если подумать, после того, как меня изгнали из Стойла, вырвало столько раз, что, без сомнений, внутри ничего не осталось. На пути же в ресторан жеребец, одетый в неудобную ливрею, остановил меня как вкопанного. Он окинул меня взглядом сверху донизу, как будто оценивал меня.

— Сэр, — произнёс он. — Боюсь, я не могу впустить вас так. Вы одеты неподобающим образом.

— Неподобающе? — Спросил я в недоумении. Мой комбинезон был чистым и опрятным! Почему это не подходит?

— Да, сэр. Этот ресторан гордится своими стандартами гардероба, и, боюсь... комбинезон не совсем то, что соответствует нашему этикету. Кроме того, опасаясь показаться невежливым, не думаю, что Вы можете позволить себе цены в нашем меню.

Деньги! Я чуть было не приложил лицо копытом. И я считаю себя умным пони! Мною было столько прочитано о деньгах довоенных времен, о торговле и инвестициях и даже некоторых понятиях в экономике. Но, тем не менее, я не имел понятия, что деньги настолько важны. В конце концов, если этот город похож на один из довоенных, было бы разумно, что здесь присутствовала и довоенная экономика.

— Простите, сэр, но я прошу Вас уйти, — жеребец взирал на меня с суровым лицом. — Если Вы откажетесь, боюсь, я буду вынужден вызвать полицию.

Желания попасть в неприятности с самого начала не было. После страха, который довелось пережить при уходе из Стойла, я вдруг увидел легкий выход из проблемы. Этот город, Лас-Пегасус, может стать моей безопасной гаванью. И если бы удастся найти здесь работу, может быть, даже получится зарабатывать на жизнь. Вдруг я чувствовал себя гораздо более легко, почти что весело. С такой точки зрения вещи не выглядят так плохо.

Мое счастье быстро сменилось тоской. Где я могу найти работу в таком месте, как это? Всю жизнь я работал в качестве бухгалтера, менеджером на входах и выходах. Так что у меня нет никаких навыков, как те, которые нужны для работы в ресторане или казино, и скорее всего, вряд ли они меня наймут. В конце концов, кто я, бездомный пони? Кто в самом деле будет нанимать жеребца, пришедшего из ниоткуда, одетого в странный комбинезон и чуждого везде? Никто, вот и ответ.

Но я должен попробовать, или придётся сдохнуть. Пришлось начать неспешно раздумывать, что можно было бы сделать для жителей этого города. Хренов Дискорд, Фарсайт, ты умный пони. Ты сможешь найти способ, как устроиться на работу. Я мог обращаться с деньгами, как бы то ни было. В Стойле денег не было вообще, но были ресурсы, такие как энергия, вода, кислород, продукты питания и топливо. Кто-нибудь должен контролировать все тонкости, управлять количеством, так что деньги ещё один ресурс. И я должен был заполучить его, найдя работу

Если же нет, раньше я возился с компьютерами. В конце концов, мой ПипБак особенно модифицирован и имеет мощность настоящего терминала, если не больше. Кроме того, всю жизнь я работал перед ними и умел разрабатывать программы для управления роботами, для автоматизации учетных записей, для доставки сообщений... Возможно, это может быть также полезным.

Укол печали кольнул меня ещё раз. Стойло, моя жизнь... ушли навсегда. Там моя жизнь не была счастливой, знаю, но теперь потеряна и она. Даже яркие огни этого города, всё было чуждо, как будто мне действительно не место здесь. Вспоминая свою обыденную рутину, я чувствовал, как мрак вновь сжимает сердце. Мой небольшой кабинет, старый письменный стол, где стоял терминал, запах книг на полке... Я потерял простоту всего этого. Попытавшись скрыть слёзы, у меня получилось лишь тихо рассмеяться в иронии. Просто удивительно, как вы можете ценить простые вещи, когда потеряли их.

И вновь, мысли о благополучии Стойла ли привели меня к изгнанию, или же всё это было подстроено? Я обвинял Смотрительницу, но маленькая часть моего разума всё же осознавала, что всего можно было бы избежать, не говоря ничего лишнего, просто оставаясь хорошим и послушным пони. Мне хотелось отомстить, однако что-то внезапно поменялось. Я желал возмездия, не Смотрительнице, но той системе, что сотворила это. Внезапно до меня дошло, что она была не более чем марионеткой, видимым придатком невидимого чудовища, порождённого слепым фанатизмом и узколобым мышлением всех обитателей Стойла. Все они были виновны. Все они были в ответственности за мою судьбу, и ни один из них не сделал ни шага, чтобы помочь. И поэтому я поклялся, что отомщу всем им.

* * *

— Мне очень жаль, но я не могу нанять Вас, — сказала причудливая кобылка, поставщик снаряжения. Она покачала головой, а лицо изобразило совершенно фальшивого вида печаль. — Вы не подходите по умениям.

— Не подхожу по умениям? — Спросил я в гневе. — Разве Вы не видите, что я только что из Стойла? Вы хотите, чтобы я полз обратно и принёс рекомендации?

— Меня не волнует, что Вы будете делать. — с её лица слетела вся печаль, выдавая суровый отказ. — Нет умения, нет работы.

— Я...

— Теперь уходите, или я вызову полицию! — она указала копытом на дверь.

Я спешно покинул магазин, не желая привлекать к себе внимание полиции. Каким-то невероятным образом мне пришло на ум, что это было бы крайне неразумно. Постепенно меня охватывало отчаяние, живот продолжал урчать, а голова гудела в полном хаосе. С того самого момента, как меня вышвырнули за двери Стойла, я, фактически бездомный, слонялся по городу, пресмыкаясь от одного магазина к другому, чуть ли не на коленях моля о работе. Но, тем не менее, всюду мне отказывали, и волей-неволей я вынужден был уходить. Рестораны выкидывали меня прочь, так как я был грязен, поставщики снаряжения презирали за одежду, а отели поспешно отвергали предложения, боясь, как бы я не оказался грабителем. Вне зависимости как изворотливо я пытался говорить, мне бы ни за что не дали возможности.

И что ещё хуже, каждая новая попытка всегда оканчивалась всё большими и большими шансами привлечения полиции. С каждой захлопнувшейся дверью я отчётливо видел перед глазами, как шансы на выживание стремятся к нулю. Хотелось кричать, даже просто попросить у кого-нибудь одну-единственную морковку. Это был ещё один урок, который мне довелось узнать: в этом внешнем мире никто ни о ком не заботится. В Стойле имелись хотя бы некоторые принципы любви и сплочённости, никого не оставляли позади всех. Это же в каком-то смысле было соревнованием. Выживание – удел одного пони, и чем скорее я бы понял сию жестокую правду, тем лучше было бы для меня. Встряхнув головой, я попытался мыслить чётко. Нужно отыскать больше мест. Авось в казино получится извлечь выгоду из своих витиеватых речей.

* * *

Вы когда-нибудь пробовали изящно строить фразы при разговоре с каким-нибудь пони, который наставил на вас пистолет? Вот именно в такую ситуацию я попадал во всех казино, где пробовал искать работу. Нет, они не хотели брать меня в качестве крупье, потому что не могли доверять. Нет, они не хотели брать меня в качестве охранника, потому что я был буквально жеребенком без опыта. Нет, они не хотели брать меня в качестве барпони, потому что я даже не выглядел достаточно привлекательным. И, Дискорд побери, нет, они не хотели, чтобы я возился с их деньгами. Все это было сказано черным дулом пистолета, направленного непосредственно в моё лицо.

Всё предельно ясно: в городе мне были не рады. И они даже не будут вызывать полицию, потому что у них были «свои способы разбираться с досаждающими злоумышленниками». Пуля в голову – и проблема будет решена. Затем они выбросят мой холодный труп на Пустошь, а там падальщики сделают свое дело. Все они уверяли, что лучше бы мне уйти из казино, прежде чем их терпение подойдёт к концу. Волны страха сотрясали моё тело, и, клянусь, несколько раз я чуть не обделался. Пустошь была такой, какой и была. Под ослепительными огнями сие место представлялось диким обществом. Большая разница по сравнению с тем, чему меня учили в Стойле. Все следы любви и толерантности пошли насмарку.

Переполненный ужасом, я покидал каждое казино со смесью облегчения и безысходности. С одной стороны, я еле-еле избежал очередной вероятной смерти, но, с другой стороны, я находился в очень тревожащей ситуации. У меня не было ничего, что можно было поесть, ни денег, чтобы платить за что-нибудь, а внимание граждан ко мне росло всё больше. Это просто вопрос времени, пока они не позовут полицию, чтобы убрать бездомного пони в комбинезоне Стойла с улиц.

* * *

После блуждания по улицам в течение некоторого времени, потонув в спирали своего собственного пессимизма, я остановился перед большим красным зданием с металлической крышей. Оно было не так громоздко, как казино, не так хорошо, как магазин одежды, и не так фантастически, как ресторан, но именно то, что мне было нужно. На серебряном уличном знаке было написано «Общественная библиотека Лас-Пегасуса», но часть «Лас» плоховато перекрыли деревянной доской, нацарапав вместо этого «Нью». Всё это просто заставляло осознать, что город больше не Лас-Пегасус, но новый Нью-Пегасус. Почему в самую первую очередь они изменили имя? Читая надпись на указателе, краем глаза я заметил, что два робота перестали патрулировать улицы и уставились на меня. Действительно, они были прекрасным произведением инженерной мысли. Механики пытались сделать так, чтобы они походили на пони настолько, насколько это было возможно, так как дроиды представляли собой тело пони с четырьмя ногами и головой. Но это был предел общих черт. Дальше следовали лишь различия. Передние левая и правая ноги оказались соединены большим колесом, как и задние. Головой служил монитор, как в моём терминале, показывающий статическое изображение сурового на вид пони в полицейской шляпе. Кто-то наконец вызвал полицию, и, предположительно, эти самые устройства несли ответственность за сохранение в городе безопасности... в соответствии с теми или иными стандартами. Я также подумал, что вряд ли они будут двигаться за мной, если я сам не буду на них пялиться, поэтому решил пробежаться рысью вокруг здания.

Мои надежды уйти незамеченным, однако, быстро развеялись, когда самым краешком глаза я заметил, что патрульные роботы уже начали преследование. Парочка держалась на расстоянии, как будто не желая меня спутнуть, однако определённо следовали по пятам. Сердце стало биться учащённее, когда все попытки сбросить хвост не дали никаких результатов. Почему они прицепились именно ко мне? Что я такого сделал, чтобы меня преследовали? Это ли судьба всех изгнанников на поверхность – быть загнанным в этом городе, словно какое-то животное? Хотелось плакать, но усилием воли я сдерживал слезы, пытаясь всё так же не привлекать излишнего внимания к своей персоне. Однако внезапно передо мной вновь очутился вход в библиотеку, и более не оставалось варианта, кроме как в отчаянии ломануться прямо туда.

Стойка регистрации представляла собой произведение искусства и мастерства довоенных времён, целых два сорта древесины переплелись друг с другом, формируя собой Богинь, Селестию и Луну, словно бы поднимающих небесные светила. На стене же был приклеен крупный плакат, изображавший пони-солдата с завязанными глазами, который стоял перед нарисованной книгой

и как будто бы наблюдал за всей приёмной. Хоть постер и был изрядно попорчен временем, а краски уже давно потеряли свои цвета, надпись ещё можно было различить:

Невежество убивает!

Солдат, поддерживай свой ум в форме!

Министерство Тайных Наук

Скорее всего, это был один из пропагандистских плакатов военного времени, если записи из Стойла не врут. Я просто стоял и пялился на плакат, размышляя о том, что его образ прямо-таки символизирует моё нынешнее положение. В каком-то роде сейчас мне приходилось бегать с завязанными глазами в полностью неизвестном мире.

— Что смешного в плакате? — неожиданно спросил голос кобылки из-за стойки.

Я заметил, что над своеобразным прилавком что есть сил пыталась придержать голову небольшая, золотистого цвета кобыла. У неё была яблочно-зелёная грива, изящно заплетённая за голову, а на носу торчала пара маленьких круглых очков. Я просто стоял на месте, разглядывая кобылку и не говоря ни слова. Должно быть, ей не очень понравилось моё лицо, так как выглядела она грубовато.

— Эй, с тобой всё нормально? — она повторно задала вопрос.

— Ох, извините, извините. Я увлёкся, — поспешил ответить я. Мой голос дрожал, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. — Я, у... у меня проблема.

— У всех нас есть проблемы, дружище, — на первый взгляд она не выглядела особенно полезной.

— А теперь быстрее, я работаю. Так чем я могу тебе помочь?

— Помочь? — я попытался выдавить из себя улыбку, но лицо лишь мучительно задёргалось. — Меня зовут Фарсайт, я здесь новенький. Мне нужна работа.

— А, так ты один из тех обитателей Стойла, да? — поинтересовалась она, указывая копытом на мой сине-жёлтый комбинезон.

— Да, да, — нервно произнёс я, беспокоясь, хорошо это было или плохо. Мне совершенно не представлялось, как они здесь, в Нью-Пегасусе, относятся к пони из Стойла. Может, они их ненавидят. Или убивают ради спортивного интереса. Ох, нет, пожалуйста, нет.

— Ты уже не первый, кого я встречаю. По факту говоря, я сама оттуда.

— Ты что? — мои глаза широко распахнулись. — Почему я про тебя не знаю?

— Меня вышвырнули оттуда несколько лет назад, — она нахмурилась. — Ты тогда должен был быть ещё жеребёнком. Скорее всего, пустобоком.

— Думаю, да, — ответом послужило пожатие плечами. — Можно задать один вопрос?

— Спрашивай, — по выражению её лица было ясно видно, что кобылка не настроена отвечать на какие-либо вопросы, но, видимо, заставляла себя казаться вежливой. Просто ради старого соотечественника.

— Где работает твоя семья?

— Отец работал на реакторном уровне. Постоянно возился с радиацией и высокими температурами. Бедолага умер совсем молодым, оставив нас с мамой одних.

Охренеть. Это было очень похоже на меня самого. Лишь пони низшего класса были теми, кого могли изгнать. Высокорожденные же будут жить в безопасности и комфорте Стойла всю свою жизнь.

— Мне очень жаль это слышать, — пробормотал я. — Что насчёт матери?

— Мама работала в столовой. Застревала на весь день перед задымлёнными кастрюлями, горбатилась что есть сил, чтобы прокормить Стойло. Но потом меня выбрали, и сейчас не имею понятия, что с ней случилось.

Я ожидал, что кобылка выкажет хотя бы капельку грусти или сожаления, однако она так не поступила. Каковы бы не были её чувства, сейчас они были сокрыты под маской безразличия.

— Если это поможет, конечно, я понимаю, — я кивнул в согласии, дабы показать, что действительно разумею собеседницу. — Я подумывал о получении работы. Немного подождём, пока из Стойла не выпрут следующего пони. Прольём свет на правду, уличим Смотрительницу, и, может быть, в процессе что-нибудь выясним о твоей маме.

Кажется, упоминание её матери вряд ли было хорошей идеей. Челюсти золотистой кобылки сомкнулись, стиснулись в гневе, придавая ей вид убийцы. Готов поклясться, у меня кровь застыла в жилах, когда я попытался заглянуть ей в глаза.

— Послушай-ка сюда. Я была терпелива, потому что изгнали тебя совсем недавно, но сейчас ты начинаешь меня бесить. Что сделано, то сделано и похоронено, и я абсолютно уверена, что не хочу, чтобы всякие там ушлые умники приходили и копались в моём прошлом.

— Извини, я понятия не имел, что воспоминания настолько болезненны для тебя, — с того момента, как негодование кобылки уступило место злости, я изо всех сил старался выглядеть так жалостливо, как только мог. И если уж быть совсем честным, я предпочёл бы презрение, которое она демонстрировала в самом начале нашей беседы. — Пожалуйста, прости меня.

Та неопределённо хмыкнула, махнула копытом и одарила меня самого осуждающим взглядом.

— Перестань вести себя как придурок. Давай просто забудем про это и поговорим уже о твоей работе. Что ты умеешь? — она вновь стала той сварливой и раздражительной, холодной как лёд кобылой, что и раньше.

— Что я умею? — тупой вопрос, конечно, но я настолько нервничал, что даже не мог ясно соображать.

— Да, твои способности, глупый, — она посмотрела на меня с ироничной ухмылкой на губах. — Потому что все вы что-то умеете, не так ли?

— Я хорошо обращаюсь с компьютерами, — это был мой единственный туз в рукаве. Если он не сработает...

— У нас уже есть техник, — кобылка за стойкой регистрации отрицательно покачала головой. — Тем более, чтобы управиться с нашими компами, не нужно больше, чем какая-нибудь ремонтница тостеров.

Нет! Мне просто необходимо получить работу! Кроме того, было заметно, что парочка роботов уже выследила меня и теперь направлялась прямо в библиотеку.

— Пожалуйста! — попытался разжалобить её я, чувствуя, как слёзы начинают подкатывать к глазам. — Мне нужна работа! Пожалуйста! *Она нужна мне!*

— Я сказала нет, значит нет, так что заткнись! — рявкнула кобылка. — Прекрати ко мне приставать, или, обещаю, я позову полицию!

Надо же, какое совпадение: именно сейчас два патрульных робота показались в дверях, беря курс на меня.

— Удостоверение гражданства, пожалуйста, — прогудел робот монотонным голосом.

— Прошу прощения?

— Удостоверение гражданства, пожалуйста, — опять тот же самый ответ. В это же время другой робот обогнул меня и встал за спиной, словно бы вместе с первым беря в кольцо. Это был он. Конец моей жизни. Я молил Богинь, чтобы со мной разделились быстро.

— Я не знаю, о чём Вы говорите.

— Проследуйте за нами, пожалуйста, — стоящий передо мной автомат развернулся, а второй резко толкнул сзади, заставляя в спешке рысью покинуть здание. В неизвестном направлении.

Если бы я не знал, что это было не так, то точно бы подумал, что вернулся в свою милую комнату в Стойле. Всё вокруг окрасилось в унылый серый цвет: серые стены, серый потолок, серый пол, серый матрас, брошенный в углу крохотной комнаты. Оставляя в стороне тот факт, что место не предназначалось быть красивым или удобным, помещение находилось в довольно хорошем состоянии. Без трещин на краске, без сколов на полу и выцарапанных на стенах надписей «Полиция идёт нахуй» или что-нибудь в этом роде. На самом деле, единственное, чем отличалась нынешняя комнатуха от таковой Стойле – такое же маленькое окошко на одной из стен, позволявшее лучам слепящих огней Нью-Пегасуса попадать сюда, если быть более точным, в камеру.

Роботы привели меня из библиотеки в небольшое, уродливого вида двухэтажное здание, спрятавшееся в переулке, далеко от суеты и нарочитой пышности главного проспекта. Само здание представлялось в виде куба, без намека на эстетику, простая функциональность на грани припадка. Офисы на первом этаже, решётчатые окна на втором. Небольшой указатель у главного входа дал знать, что привели меня в Департамент Полиции Нью-Пегасуса по обвинению в незаконном переселении.

В камере было абсолютно нечем заняться, ну, точнее, ничем, кроме чтения маленького буклетика, валявшегося в углу. Он представлял собой старую, грязную брошюру, скорее всего, напечатанную ещё до Войны. «Лас-Пегасус и окрестности» – гласил заголовок, а издавалась она, по-видимому, Туристическим Рекламным Агентством Лас-Пегасуса. Я буквально парил по страницам буклета, заполненным старыми фотографиями и лаконичными справочными текстами. Ничего особенно интересного, тем более были совершенно другие вещи, беспокоящие меня гораздо больше. Например, моё будущее. Однако крохотный голосок, засевший в голове, всё же посоветовал отсканировать книжку в ПипБак, что я и не преминул сделать. И тогда до меня наконец дошло, что не оставалось более ничего иного, как вновь впасть в отчаяние.

Я заскучал по Стойлу. Никогда не думал, что когда-нибудь поступил бы так, но часы шли, а я сам начал задаваться вопросом, чем же сейчас заняты его жители. Затем на ум пришла родная кровать, тёплая и уютная. Слезы наворачивались на глаза – вряд ли мне удастся поспать на ней ещё раз. Точнее, правильней было бы сказать, вряд ли мне удастся вообще поспать на кровати. По естественному ходу вещей следующим образом возникла Смотрительница, и теперь уже ярость заполняла мой мозг. Никак не удавалось прекратить думать о событиях, предшествующих изгнанию, а с минуты на минуту я всё больше убеждался в том, что Лотерея была проведена нечестно. Хотелось отомстить, однако были и другие вещи, о которых стоило волноваться. Меня выбросили из родного дома туда, где, о, ирония, я считался незаконным чужаком. Конечно же, скоро мою персону снова изгонят, но на этот раз в настоящую Пустошь.

И вновь, ещё раз, я затрясся от страха, перед глазами стояла картина последнего тающего намёка на цивилизацию и выживания на дикой природе, до готовности к которому мне было

несоизмеримо далеко. На тело нахлынула слабость, и я рухнул на пол, одиноко хныча в тишине. Чувствовались рвотные позывы, но в животе не было ничего, что могло выйти наружу, только горькая желчь, почувствовавшаяся во рту, а после отступившая обратно. Так что не оставалось ничего, кроме как положить голову на пол и ждать, пока кто-нибудь не придёт ко мне.

* * *

— Эй! А ну вставай и двигай сюда! — грубый окрик прорезался сквозь темноту.

Где? Что? Ох, в конце концов, я заснул и все ещё находился в этой скучной серой камере. Однако теперь наличествовала какая-то разница. Дверь камеры оказалась открыта, а в дверном проёме стоял пони в полицейской форме, глядя на меня с отвращением, что даже побудило внутри меня гнев. С тех пор, как я покинул Стойло, на меня смотрели, как на крысу или какой-то гниющий труп, однако больше так продолжаться не могло.

— Да что с тобой не так-то, а, ленивая зебра? — застонал он. — Живо сюда, я сказал!

Без особых усилий я поднялся на все четыре ноги и небрежно направился к охраннику. Уже подойдя поближе, было заметно, что он был не намного старше меня, до такой степени, что, готов поклясться, даже моложе. Его кютимаркой — два скрещенных и дымящихся пистолета, так что, думаю, раньше он был тем ещё задирой.

— Первый день на работе? — поинтересовался я. Честно говоря, я чувствовал себя настолько озлобленным, что не заботился о последствиях. Я просто хотел кому-нибудь вмазать, и если не физически, то, по крайней мере, я словесно.

— Да, а как ты... арgh, заткнись нахер и давай пошевеливайся, сволочь! — буквально взорвался в гневе жеребец, засадив мне в бок копытом. Прекрасно ощущалось, как боль разливается по всему моему телу, и я чуть было не потерял равновесие. Однако боль действовала отрезвляюще, давая мне силы продолжать.

Охранник привёл меня в ещё одну маленькую комнатку, где не было ничего, кроме стола и кандалов с одной из сторон.

— Сюда! — выплюнул он, заковывая мои задние копыта.

— Даже не думай, что я собираюсь бежать, — я самодовольно усмехнулся. — Если ты так думаешь, ты ещё более тупой, чем я думал.

Я знал, что будет после, так что заранее подготовился. Жеребец саданул по передним ногам своим копытом, заставляя меня потерять равновесие и упасть на колени. Голова долбанулась об стол, а во рту почувствовался привкус крови, когда она потекла из глотки. Даже если бы я злорадствовал, пока меня избивали, тоненький голос логики в голове постоянно предупреждал меня. Знай своё

место, Фарсайт, это больше не Стойло, а язык так может и до могилы довести. Как только ты это усвоишь, тем лучше тебе будет.

— Стэндофф, достаточно! — приказал гораздо старше звучащий голос. Стэндофф. Два пистолета. Кто бы мог подумать?

— Но шеф, я... — Стэндофф лепетал, как маленький жеребёнок, пойманный на краже конфет с полочным. Даже ощущая боли, я ухмыльнулся. Это преподаст ему урок.

— Если хочешь избивать пони до полусмерти, можешь пойти путешествовать по Пустоши, как проклятый Богинями рейдер! Департаменту Полиции Нью-Пегасуса не нужны головорезы.

— Он вёл себя неуважительно! — заскулил Стэндофф.

Ой, да ладно! Ты мог бы просто сказать: «Плохой пони в комбинезоне первый начал!», и то звучало бы убедительнее.

— Меня. Не. Волнует! — ответил пожилой голос режущим тоном. Он был определенно не в восторге от сложившейся ситуации. Может быть, доброта и уважение существовали в этом месте? Я, наконец, смог вновь подняться на ноги и взглянуть за стол. Я смотрел на «шефа», пожилого пони, приказавшего Стэндоффу отойти. Это был большой темно-зелёный жеребец с проседью в коротко стриженной гриве. Обратив на мою персону внимание, вначале он окинул меня взглядом, а затем посмотрел с суровым лицом.

— Как тебя зовут? — спросил он. С каждым новым словом «шеф» излучал уважение и страх. Глядя на него, мои гнев и ирония быстро улетучились, оставив место для благоговейного страха.

— Фарсайт, сэр, — ответил я и сглотнул, снова чувствуя кровь.

— Моё имя Брасс Бэддж, капитан ДПНП. Рад познакомиться с тобой, Фарсайт. Кофе? — спросил жеребец. Его тон несколько смягчился, звуча немного по-отцовски. Если бы он не был так резок и раньше, может быть, я бы доверился ему.

— Нет, сэр. Не думаю, что смогу пить в ближайшее время.

— Хорошо, будь по-твоему, — Бэддж слабо улыбнулся. — Ты знаешь, почему оказался здесь, не так ли?

— Роботы говорили что-то об удостоверении гражданства или нечто похожем.

— Прямо в точку. Позволь мне объяснить, что здесь вообще творится, — Брасс Бэддж прокашлялся и начал ходить взад-вперед по комнате, как если бы он собирался выступать с речью перед толпой.

— Нью-Пегасус был настоящим оазисом цивилизации посреди Эквестрийской Пустоши, шпилем света во тьме. И как свет привлекает мух и паразитов, Нью-Пегасус начал привлекать

всевозможных пони с Пустошей. Некоторые из них были добропорядочными и трудолюбивыми, что помогали городу процветать. Остальные же оказались совершенно нежелательны. Рейдеры, наркоманы, дикари из племён или того хуже. Нью-Пегасус не мог рисковать быть проглоченным волной хаоса с Пустоши, поэтому Городской Совет решил ограничить гражданство только для тех, кто действительно демонстрирует, что сможет сделать что-то на благо города. Остальным же, ну, им здесь не место.

— Но почему у меня нет шанса? — протянул я.

— Ах, Фарсайт. Сожалею, что говорю тебе это, но точно знаю, через что ты собираешься пройти. Я тоже из Стойла, был избран той дурацкой Лотереей год назад.

Просто не могу в это поверить. Двое за одну ночь? Город что ли кормится выходцами из Стойла, или как?

— Вы тоже, сэр? — я ошеломлённо задал вопрос. — Я повстречал уже двух пони за эту ночь.

— Тогда тебе нужно поближе познакомиться с Трэкер, библиотекарей.

— Да, — закивал я. — Она, кажется, не любит вспоминать своё прошлое.

— Твоя правда, — согласился Брасс Бэдж. — Изгнание, по её словам, было неприятным.

— Как и моё, — я опустил голову, чувствуя, что из глаз вот-вот польются слёзы. — Я... отстаивал то, во что верил, а за это меня прогнали вон.

Брасс Бэдж покачал головой и проворчал нечто невнятное.

— Ты перешёл дорогу Смотрительнице, я прав? — его голос резко изменился, буквально шипя от злости и обиды, будто струя пара вырвалась из-под крышки котла.

— Да, — грустно кивнул я в ответ. — Я думал, что смогу принести какой-то здравый смысл в Стойло, и попытаться ликвидировать Лотерею раз и навсегда.

— Ты в самом деле пытался сделать это? — Брасс казался немало удивлённым. Чистосердечная улыбка сменила его пугающее выражение лица, делая по-отечески добрым. — Ого, это куда больше, чем я ожидал. Я же надеялся обратить внимание на то, что система распределения работы не была справедливой. Самые тяжёлые места уходили одним и тем же пони. А несколько недель спустя на меня пал выбор в Лотерею.

В который уже раз моя личная теория о двухклассовой системе Стойла оказалась верна. Я затряс головой, выражая совершеннейшее отвращение, когда полностью выслушал историю зелёного жеребца.

— И Вы не попробовали отомстить? — последовал мой вопрос.

— Само собой, попробовал, — лицо Бэджа вновь растянулось в улыбке. — Первые недели или где-то около того. Я буквально считал дни до того, как дверь Стойла распахнётся, а я пробью себе дорогу назад.

— Так почему же Вы не сделали так? — кажется, меня заинтриговала история Брасса.

— Ну, я нашёл себе славную работёнку полицейского. Платили хорошо, а здесь, в Нью-Пегасусе, народ с уважением относится к нам, из Стойла, так как у нас есть образование, технологии и всякое тому подобное. Потом, ну, мне повстречалась одна прекрасная кобыла, мы поженились и завели жеребят, и я понял, что наконец обрёл новый дом. Кроме того, Нью-Пегасус внимательно наблюдает за Стойлом в течение всего остального года, которое, кажется, при малейшем же признаке опасности выставит целую армию. Говоря иными словами, если хочешь захватить Стойло, ты должен править городом.

Править городом? Это грандиозный вызов, гораздо больше, чем я мог вообще вообразить достичь. Разумным вариантом будет поступить так же, как это сделал и Брасс Бэдж.

— Вы можете помочь мне найти работу, шеф? — спросил я.

— Извини, Фарсайт, но, боюсь, всё не так просто. Если бы тебе повезло выскочить на поверхность пару месяцев назад, ты стал бы желанным членом общества Нью-Пегасуса, как и все остальные обитатели Стойла. Но с тех пор, как под наши ворота пришли НЭР, а Фулл Хаус открыл своё казино, Городской Совет решил ограничить получение гражданства.

Селестия, молю, пошли меня на луну. Или ещё куда-нибудь, потому что в этом месте, в который уже раз, моя несравненная удача отвесила мне пинок под круп и отправила жрать грязь. Хотелось одновременно и плакать, и биться головой о стол. Почему я? Почему это, блядь, случилось именно со мной? Почему меня не изгнали год назад? Однако, несмотря на это, я не рыдал, наверное, потому, что слишком боялся по-настоящему плакать при Бэдже.

— НЭР? — до меня дошло, что пригодится вся информация, которую только можно заполучить, чтобы найти выход из всего этого.

— Новая Эквестрийская Республика. Огромное скопище расфуфыренных рейдеров-пижонов, если спросишь, — кажется, Брасс Бэджа они явно сильно раздражали. — Не могу рассказать много, кроме, может быть, того, что по радио передают о целом списке поселений, объединившихся под их знамёнами. И тем не менее, я не могу поддерживать НЭР. У нэровцев есть оружие, дискордовая тьма пушечного мяса, но совершенно нет уважения, хоть они постоянно и твердят о законе и порядке.

За всё время краткого рассказа Брасс несколько раз топал по полу, особенно сильно приложив копытом на последней фразе. И впрямь уж, не было причин сомневаться — жеребец довольно-таки

недолюбливал этих «нэровцев». Он вновь начинал выглядеть рассерженным, тем самым жутким пони, которым Бэдж был в самом начале беседы, так что лучшим выбором оказалось просто сменить тему.

— Рейдеры?

— Весьма дурная компания. Смутьяны, преступники, грабители, убийцы, насильники, поджигатели – одним словом, все те, кого бы ты точно не хотел иметь под боком. Мы зовём их рейдерами. Это распространённое слово.

— А Фулл Хаус?

— Ты, должно быть, мне не поверишь, если я скажу, что тоже не знаю? — Брасс Бэдж добродушно осклабился, на этот раз широко растянувшись в улыбке. И сейчас, без сомнений, он был искренним. — На улицах рассказывают, что он – или она – был довоенным бизнеспони, и что он – или она – прибрал к своим копытам добрую половину старого Лас-Пегасуса. Когда посыпались бомбы, Фулл Хаус пропал. Все терялись в догадках, зачем он – или она – сделал это, но теперь двери «Платиновой Подковы» вновь открылись, а Фулл, кажется, обладает вполне справедливой долей на власть в Городском Совете. Так что беседуем мы с тобой о по-настоящему важной персоне.

— Вижу, — не очень-то хотелось признавать, что все темы для разговора уже кончились, а значит, моё пребывание в Нью-Пегасусе довольно-таки скоро подойдёт к концу.

— Хорошо, давай не будем отходить от темы. Так как у тебя нет удостоверения гражданства, и ты не собираешься получать его в течение ближайших двадцать минут, боюсь, тебе больше нельзя оставаться в стенах Нью-Пегасуса. У меня нет выбора, но придётся отправить тебя в Фридом Филд.

Его голос вновь изменился на неумолимо-суровый и резкий, но в этот раз, более чем уверен, Брасс пытался скрыть в нём неодобрение нового закона.

— Фридом Филд? Что это? — в страхе спросил я. Это что, какая-то тюрьма? Концентрационный лагерь?

— Просто старый Северный Лас-Пегасус. Сейчас это независимый городок со своими собственными законами. Конечно, не такой цивилизованный, как Нью-Пегасус, но там может жить любой. Либо он, либо Пустошь, приятель, так что твой выбор.

Если таким образом он пытался меня утешить, у него не получилось. Абсолютно не получилось.

— Фридом Филд, — пробормотал я.

— Значит, Фридом Филд, — в свою очередь объявил Брасс. — Удачи, сынок, она тебе понадобится.

* * *

После того, как Бэдж расковал мои задние ноги и отвёл к выходу из здания, знакомая парочка охранных роботов потащила меня так же обратно в нижние районы Нью-Пегасуса, как и несколькими часами ранее они же доставили в Департамент Полиции. Я не особо обращал внимание на пони вокруг, совершенно не волнуясь, наблюдают ли они за мной, что думают, или какие у них лица. Меня заботило лишь то, по какому пути шёл.

«Независимый городок с менее цивилизованными законами», как Брасс описывал Фридом Филд. Во всяком случае, какой же это имело смысл? Значит, мне придётся драться за еду, убей или умри? Ох, дражайшая Селестия, пожалуйста, смилуйся надо мной...

И чем ближе мы подходили к северным стенам Нью-Пегасуса, тем всё более очевиднее это становилось, какие «нецивилизованные» вещи имели место быть за пределами города. Сверкающие, цветасто-пышные казино оказались заменены безвкусными кирпичными башнями, чьи оконные провалы были либо просто выбиты, либо наглухо заколочены досками. Исчезли причудливые рестораны, но только для того, чтобы их место заняли дешёвые повозки-закусочные и яркие торговые автоматы с яблоками. Не было никаких шикарнейших отелей, а немногочисленные, полужасыпанные песком мини-гостиницы выглядели, мягко говоря... плохо.

Наконец, передо мной показалась массивная громада городских стен. Я ожидал увидеть прочные и прямые бетонные сооружения, однако, в отличие от того, что предполагалось, они оказались конструкциями, буквально слепленными из листов металла, старых рекламных щитов, щебня, шлакоблоков, повозок и прочего крепкого, тяжеленного мусора, щедро скреплённого слоем бетона. Разместившаяся над всем этим хламом тройная колючая проволока буквально всем своим видом отговаривала пытаться перебраться через стену сверху. Пойдите минутку... а что с пегасами? Они не подумали о пегасах? Что-то здесь не так.

Неподалёку от ворот я приметил небольшое здание, выделявшееся на фоне остальных очевидной новизной, и, судя по всему, заботились о нём гораздо сильнее, чем о других. Оно представляло собой одноэтажный комплекс, построенный из серых кирпичей и медного цвета металла, окружённый по всему периметру такой же небольшой стеной. Прямо перед воротами здания был воткнут флагшток, с которого свешивалось огромных размеров знамя: красный кусок ткани с двумя головами единорогов, черная на белой, в круге. Надо полагать, это должно быть флагом Новой Эквестрийской Республики. Это были те, кого так яро ненавидел Брасс Бэдж. И тем не менее, я даже не мог сказать, почему.

* * *

БАХ! СКРИ-И-И-И! Врата Нью-Пегасуса распахнулись предо мной, вынуждая покинуть черту города. По ту сторону створок лежал крупный контрольно-пропускной пункт, переполненный вооружёнными до зубов охранными роботами, что неустанно патрулировали дорогу вдоль стен.

По ту сторону лежал тёмный, мрачный проспект, между зданиями, практически полностью обратившимися в руины. Больше не было света казино, лишь немногочисленные костры на улицах, пронзающие тьму ночи, отбрасывающие тоскливые тени пони, что бродили по этому месту. Смерд смерти и грязи переполнял воздух, заставляющий мои внутренности свернуться уже в десятый раз за день. Полностью подавленный чувством страха, я ступил несколько шагов, как ПипБак снова запищал, вызывая изображение карты. Это был Фридом Филд.

#

Заметка: Репутация изменилась

Стойло Сто Восемьдесят Восемь: Изгнанник — Вам не позволено вновь появляться в этом месте, а его жители не желают Вас видеть

Нью-Пегасус: Не изменилась — До тех пор, пока Вы не докажете свою ценность (или не предложите взятку), Вы не сможете войти

[<<< оглавление >>>](#)